

Голова Хун Мэй опустилась, и она погрузилась в сон.

Бабуля воспользовалась моментом, чтобы усадить её, позволив лечь на стол.

Чёрный Всадник вышел из программы Хун Мэй. Он проник в её систему, чтобы найти Бабулю, что само по себе нарушало школьные правила. Однако, учитывая его уровень, он мог легко стереть следы своих действий или вовсе избежать наказания.

В отличие от Гу Ши, у которого не было официальной должности, он был просто свободным человеком.

Если назвать его студентом, то он действительно часто участвовал в тестах; если назвать разрушителем, то он действительно создавал проблемы некоторым людям; если назвать выпускником, то в его прошлом действительно можно найти следы; если сравнить с механическими марионетками, то его сила иногда была поистине неоспорима...

Возможно, именно по этим причинам Чёрный Всадник решил сотрудничать с Гу Ши.

Когда Гу Ши помогал Бабуле удалить незаконные операции, его заметил отряд стражи и сообщил об этом в группу зачистки. Однако перед началом операции, похоже, из-за неисправности оборудования план ареста Гу Ши был временно отменён.

Этот процесс наблюдал Чёрный Всадник, который был частью офиса школьной администрации, поэтому он воспользовался моментом, чтобы проникнуть в тыловую операционную систему Хун Мэй и, используя виртуальную проекцию, появиться перед Бабулей.

— Действительно ли стоит сотрудничать с Гу Ши? — пробормотала Бабуля.

Она оставалась здесь во многом благодаря Чёрному Всаднику. Он рассказал ей, что, хотя она является сочетанием механической марионетки и живого мозга, в этом кампусе есть много таких же проводников, как она, но тех, кто смог прожить так долго, не больше десяти, и Бабуля — одна из них.

Как и Гу Ши, у неё не было прошлого. Но в отличие от него, у Гу Ши прошлое отсутствовало из-за слоёв чистки, которые разъедали его мозг; а у неё прошлое исчезло, когда она превратилась в это нечто — ни человек, ни призрак.

Раньше она считала, что люди вроде Гу Ши, у которых нет прошлого, жалки. Теперь же она понимала, что на самом деле жалка она сама. Потому что Гу Ши никогда не отказывался от идеи найти своё прошлое, а она уже давно забыла о нём.

В аудитории теперь были только она и Хун Мэй. Бабуля повернулась, прикинув, что Хун Мэй скоро проснётся, нашла себе место и села, устремив взгляд на большую доску впереди.

Раз уж Чёрный Всадник выбрал Гу Ши, то пусть сначала посмотрим, на что он способен.

Хун Мэй проснулась и, посмотрев на Бабулю, спросила:

— Что произошло? Почему я уснула?

— Возможно, сбой в программе, — ответила Бабуля.

В конце концов, сбои у чисто механических марионеток — обычное дело, а сами марионетки не могут проверить свои программы.

У них нет на это прав.

В этот момент Бабуля была немного рада, что она — гибрид. У неё было своё сознание.

Очнувшись, Чэн Юй обнаружил, что идёт по дороге, а его тело словно не подчиняется ему. За ним кто-то шёл.

Он хотел обернуться, чтобы посмотреть, кто это, но его тело оказалось настолько скованным, что он не смог даже повернуть голову.

Переход между ролями происходил так быстро, что он почти превратился в марионетку.

Сознание было, но действовать он не мог.

В этот момент Чэн Юй, казалось, понял, что чувствует Бабуля.

Марионетка с сознанием...

Войдя внутрь, Чэн Юй обнаружил, что там было много людей, чьи одежда и поведение создавали ощущение, будто он перенёсся в древние времена. На самом деле его наряд был тем самым, который носил евнух, сопровождавший наложницу.

Через несколько секунд он почувствовал, что его тело стало менее скованным, и он смог повернуть голову.

Единственное, что оставалось вне его контроля, — это рот.

В зале по обеим сторонам стояли женщины из семьи Цзя: матушка Цзя, госпожа Син, госпожа Ван, три сестры Инчунь, Таньчунь и Сичунь, а также Баолинь и другие.

В сознании Чэн Юя автоматически всплыли знания о персонаже, и он мысленно познакомился со всеми присутствующими.

Во главе, наверху, сидела его госпожа — наложница Цзя Юаньчунь.

— Госпожа, второй господин прибыл, — сказал Чэн Юй, удивившись, что эти слова вышли из его рта, но быстро привыкнув.

Конечно, это говорил не он, а сам евнух.

Закончив фразу, он автоматически отступил, не позволив себе задержаться хоть на мгновение.

Позвав стоящего за ним Цзя Баоюя... Брат и сестра, долгое время не видевшие друг друга, не нуждались в словах. Выйдя, Чэн Юй мог представить, что происходит внутри.

Ты плачешь, я плачу.

Братская любовь, встреча после долгой разлуки.

Вспомнив о будущей судьбе Цзя Юаньчунь, Чэн Юй невольно вздохнул.

Увы, с древних времён красавицы часто умирают молодыми, а императоры всегда были жестокими.

Но едва он сделал шаг вперёд, как снова сменил роль.

На этот раз он был уже не слугой или евнухом, а известным в семье Цзя хулиганом — Ван Сифэн.

Рядом с ним стояла госпожа Ю и другие, приглашая на пир.

Этот визит оказался таким утомительным: каждый должен был встретиться, поговорить, а в моменты эмоций сдержать слёзы было невозможно. Все устали, особенно учитывая, что нужно было всё время быть начеку.

Когда дети и внуки становятся наложницами и возвращаются домой, вся семья, от мала до велика, должна вести себя так, словно готовится к войне, — с почтением и страхом совершить ошибку перед наложницей.

В строгой иерархической системе даже семейные узы должны уступать место.

Старые идеи феодального общества действительно приносят много вреда.

Чэн Юй тихо ворчал себе под нос.

Все вместе они переместились на главное событие: демонстрацию стихов четырёх сестёр «Изначально должны были сожалеть» и Баолинь, а также Цзя Баоюя.

Взаимные комплименты, или, как сейчас говорят, деловой флирт.

Древние люди ничем не уступали современным: кто-то перед наложницей показывал свои таланты, кто-то намекал на свои способности, кто-то сначала скрывал, а потом раскрывал свои умения, кто-то старался изо всех сил, чтобы получить награду...

Все человеческие отношения, включая простейшие связи, характеры и особенности, здесь проявлялись в полной мере.

Поэтическое состязание закончилось на Цзя Баоюе.

Чэн Юй ещё напевал себе под нос, когда уже вернулся в аудиторию.

Остальные тоже.

На доске больше не было информации о семье Цзя, вместо этого появилась надпись: «Визит государевой наложницы Юань к родным».

Чёрные и красные чернила перемежались.

— Добро пожаловать обратно. Пожалуйста, подождите здесь, скоро будет время обеда, — Хун Мэй стояла у доски, обращаясь к девяти вернувшимся в аудиторию.

Чэн Юй пригнулся, пытаясь украдкой проверить, нет ли на доске каких-то скрытых механизмов, но только он наклонился, как кто-то схватил его за ногу.

Чэн Юй с досадой обернулся и увидел, что это Гу Ши держит его за ногу.

Он бросил на него сердитый взгляд, но Гу Ши, похоже, не собирался отпускать.

Так они и стояли, не двигаясь.

— Что случилось, господа? Если ничего серьёзного, пожалуйста, вернитесь на свои места. Проводник скоро принесёт еду, — Хун Мэй посмотрела на Чэн Юя, лежащего на полу, и мельком взглянула на Гу Ши.

Гу Ши отпустил его, встал и с серьёзным лицом объяснил:

— У него остеопороз, я просто помог ему встать.

С этими словами он снова наклонился и грубо поднял Чэн Юя с пола.

Чэн Юй надул щёки и отвернулся, не говоря ни слова.

Гу Ши действительно сказал при всех, что у него остеопороз?

С каких это пор у него остеопороз?

Чёрт возьми! Вечно он что-то придумывает!

Чэн Юй улыбнулся Хун Мэй и извинился:

— Учитель, я просто плохо себя чувствовал, он помог мне.

Неужели он действительно помог ему выкрутиться?

Хун Мэй не стала разбираться дальше, просто велела им уйти.

Эти двое, которые вели себя беспокойно, даже вернувшись на свои места, продолжали шуметь.

Чэн Юй притворился, что хочет спать, зевнул и украдкой посмотрел на дверь аудитории.

— Почему ты меня остановил? — тихо спросил он Гу Ши, сидевшего рядом.

Гу Ши откинулся на спинку стула, лениво склонившись, пряча глаза под прядями волос, что делало его взгляд неразличимым и загадочным.

— Если бы ты сделал ещё один шаг, она бы сразу тебя отрезала, — спокойно произнёс Гу Ши.

Исследовать тайны доски на глазах у учителя — это самоубийство.

Чэн Юй нахмурился, сдерживая раздражение.

Гу Ши понимал, что он не отступится, и, боясь, что он снова попытается что-то сделать, когда Хун Мэй не смотрит, вынужден был оставаться начеку, постоянно наблюдая за ним.

Даже когда он просто дремал, на него всё время смотрели, и Чэн Юй начал терять терпение:

— Эй, братан, ты можешь перестать на меня смотреть?

Извините (□человек□), извините, не успел подготовить обновление к девяти часам.

Сегодня работал допоздна, поэтому заранее подготовил черновик.

Спасибо за прочтение.

<http://bllate.org/book/16242/1459966>